

Этого забыть нельзя !

К тридцатилетию кровавой расправы фашистов над жителями села Орловка из рассказа Степана Терентьевича Особливца, обреченного на смерть 19 марта 1942 года.

Переписано из статьи под редакцией В.Д. Коники, напечатанной в газете «Ленинский путь» (органе парт. организации, правления колхоза «Коммунист» и исполкома орловского сельского совета Ямпольского р-на Сумской обл.) под номером «6» 1972-ого года.

Конец марта второго года войны был очень снежным. Только в конце второй декады начались незначительные оттепели, но по началу морозы еще брали свой верх. В одну из таких ночей, под девятнадцатое марта, в село въехала большая группа партизан. Их было около пятидесяти человек.

Расположились они в нескольких дворах в западной части села по дороге на выезд к Ямполью. В моей хате встало на ночлег также шесть человек. Как дорогих гостей встречала их моя семья. Вечером все вместе поужинали, я дал сена для лошадей. От постояльцев я узнал, что на следующее утро намечался бой с немецкими карателями, которые, по данным партизанской разведки, должны ехать из Ямполья через Орловку.

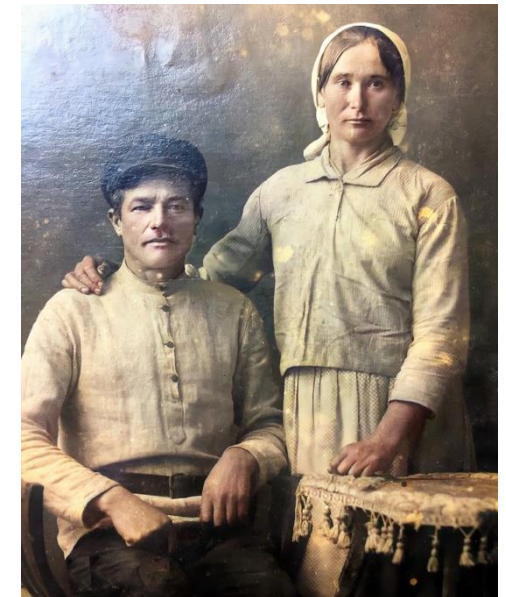
Чуть стало светать. На дороге с Ямполья показалась большая группа мадьяр. Партизаны заняли оборону. Подпустив карателей на определенное расстояние, открыли огонь. Первой заговорила пушка, потом на карателей обрушилась лавина пулеметных очередей. Один из пулеметов был установлен на крыше дома Максима Захаровича Биндюга. Примерно в полукилometре от села наступление фашистов было остановлено. Подобрал раненых, каратели отступили, но затишье длилось недолго...

Через некоторое время снова началось наступление. На этот раз фашисты шли на село с трех сторон: от Ямполья, со стороны Верзовой и вдоль реки по направлению к станции Неплюево. Силы их были очень большими: было видно, что через

некоторое время партизаны будут окружены. Тогда народные мстители (партизаны) приняли правильное решение – отступить, оставив для прикрытия одного отважного партизана во дворе Михаила Васильевича Бойко (прим. Говорят, что ему было только шестнадцать лет).

Каратели осторожно вошли в село, впереди на коне ехал их командир. Оставшийся партизан бросил в него гранату и смертельно ранил. На смельчака сразу бросилось несколько фашистов. Перестрел длился не более пяти минут. Убив партизана, мадьяры пристрелили старика из крайней хаты – Петра Сенченко, затем Дмитрия Павленко, Федора Товстуху...

Начали жечь дома. Когда моя жена, Агриппина Онисимовна, хотела остановить поджигателя, он в упор

Фотография Степана Терентьевича Особливца и Агриппины Онисимовны

выпустил ей очередь из автомата. Меня и нескольких людей из соседей погнали к дому Захара Григорьевича Биндюга. Нас оцепили и поставили

два пулемета. Отпустили женщин, а стариков погнали дальше по улице.

Толпа мужчин и стариков быстро росла. Их выводили из хат, тянули из погребов, сопротивлявшимся наносили штыками раны. Не щадили

Степан Терентьевич Особливец

и тех, кто решался взглянуть на расправу в окно: так был убит семидесяти четырехлетний Мирон Савич Особливец, подросток Валентин Мора и др. Когда нас подогнали до Протопенковых, мы увидели, что горит дом. Около него были люди. Магьяры и здесь забирали мужчин, разогнав всех остальных.

Когда нас вывели на край села, всех загнали в хату Михаила Ивановича Заболотного. У дверей его выставили часовых и начали выводить по два человека на расстрел. Всего в тот день погибло от пуль карателей 108 Орловчан. Меня тоже вывели на расстрел, но рука свирепого карателя в момент выстрела, видимо, дрогнула, и пуля просвистела рядом с моим ухом. Я упал, потом рядом падали еще многие. Так пролежал я в снегу до поздней ночи. До темна над убитыми ходили каратели, раздевали и пристреливали раненых, кто подавал стон или другие признаки жизни. Меня спасло еще одно: я был одет в старый порванный пиджак и лапти. Других же, на ком одежда была

получше, перед расстрелом раздевали.

Когда стемнело, я с трудом переполз в ту же хату, из которой выводили на расстрел. Здесь уже был Степан Бондаренко. При расстреле пуля прошла его шею, но рана оказалась не смертельной. Я его перевязал и спрятал. На утро сюда снова явились каратели... Я представился хозяином, и они потребовали сало и патефон. Конечно, этого у меня не было, тогда они начали избивать меня прикладами. Через некоторое время зашла другая шайка: снова требовали сала и били прикладами.

Затем я решил пробираться домой через все село. Только я прошел по улице до хаты Гузина, как меня остановили магьяры. Один приставил автомат прямо к виску и спросил, где я был. Я ответил, что искал корову и что у меня девять детей, и меня отпустили. По дороге на центр села меня останавливали еще несколько раз. Когда я дошел, я увидел, что все улица занята подводами и магьярами. Их перевозчиками были

женщины Уска, Полиевки и Ямполья. Обоз карателей расположился на ночевку: резали свиней, гусей, кур, грабили разное добро. Пьяные каратели насиловали молодых женщин.

На следующее утро в нашем селе забрали пятьдесят подвод и на них увезли награбленное добро. При этом сожгли еще несколько хат. Еще через день я узнал, что среди расстрелянных, кроме меня и Бондарца, остался в живых Андрей Кондратьевич Мора. Ему также прострелили шею, но рана оказалась не смертельной.

Трудно вспоминать пережитое в этот день. Из троих свидетелей кровавой расправы двоих уже нет в живых. Бондарец умер осенью того же года, а Мора скончался в 1959 году.

Этого забыть нельзя. Пусть эта кровавая расправа над Орловчанами останется навсегда в памяти односельчан, напоминает им о нелегком прошлом наших родных, поможет их силам в труде на благо мира во всем мире.